

Рафаэль не мог понять, разочарован он или нет, и снова погрузился в чтение невероятно увлекательной книги. Затем решительным тоном подвел черту: «Раз уж решил быть послушным, выучи страницу латыни на пергаменте. Вечером проверю.»

«Вечером?»

Рафаэль посмотрел на Августа и широко улыбнулся: «Заодно проконтролирую, как ты ложишься спать.»

«...» Черт, неужели ему вообще не оставлять мне никакой лазейки?! «Нет-нет, я, пожалуй, еще подумаю насчет своего возраста.»

«Хорошо», — в этом вопросе Рафаэль был довольно уступчив.

Чтобы Рафаэль не придумал еще какую-нибудь изощренную пытку, Август поспешил взять инициативу: «Кстати, почему ты так помешан на моих уроках?»

Судя по их недолгому общению, Рафаэль чаще всего спрашивал о занятиях Августа, проявляя даже больше интереса, чем Черный Принц и домашние учителя. Однажды Августу даже приснилось, как Рафаэль в обтягивающих сапогах и бриджах, с кожаным хлыстом в руке, восседал на троне.

Это могла бы быть пикантная сцена, но все испортил вопрос Рафаэля: «Ты вообще это слово выучил?»

После этого Август проснулся — от испуга.

Рафаэль, без обтягивающих бриджей и хлыста, невинно спросил: «Я думал, это самый распространенный способ приветствия в твою эпоху. Ты ведь всегда любил спрашивать меня: “Домашку сделал?”, “Меньше дури, больше читай” или “Учитель, наверное, забыл задать на каникулы?”. Я думал, тебе понравится, если я буду так спрашивать.»

Август: «...»

Значит, это я сам себя подставил? — мысленно зарыдал он. — Почему, почему я тогда был так болтлив и выбрал учебу как средство для подколов? Почему?!

Затем, с печальным видом, герцог, готовый со слезами на глазах пройти через последствия своих прошлых ошибок, заметил, как стоящий рядом граф, больше не в силах сдерживать смех, дрожит от хохота.

Граф, смеясь до слез, сказал: «Ты правда поверил?»

Сначала Рафаэль спрашивал об уроках, искренне полагая, что это особая вежливость эпохи Августа. Позже же он просто хотел видеть, как тот, не в силах возразить, выглядит жалко и трогательно. В Августе была какая-то противоречивость: с одной стороны, Рафаэлю хотелось баловать его без меры, с другой — он не мог удержаться, чтобы не «подразнить». Лучше всего, если бы тот заплакал, — тогда можно было бы утешить и снова прижать к себе.

Август немного рассердился, надул щеки и сказал с притворной строгостью: «Конечно, я поверил, ведь это ты сказал.»

Рафаэль был единственным человеком в мире, знавшим тайну двух жизней Августа. С самого

начала он был для него уникален — тем, кому можно довериться полностью, с кем можно начать отношения, основанные на взаимном уважении... прекрасную дружбу.

Рафаэль, который как раз наслаждался приятной упругостью щек Августа, услышав эти слова и увидев полные доверия, словно промытые дождем глаза, не смог сдержаться. Его длинные пальцы слегка сместились, придав губам Августа форму утиноного клюва.

В глазах Августа выступили слезы — от боли, а не от капризов!

Рафаэль поспешил извиниться, наклонился вперед, и в воздухе повеяло легким цветочным ароматом. Он осторожно, тщательно начал массировать щеку Августа. Однако, массируя, он поддался искушению и поцеловал его через ладонь — с одной стороны были мягкие губы Августа, с другой — прохладные тонкие губы Рафаэля.

Молодой человек с дымчатыми глазами улыбнулся и сказал золотоволосому мальчику: «Я тоже тебе верю. Просто потому что это ты.»

За окном пролетела стая птиц, грациозно скользя по небу. Глупый олень Бэмби, живший в замке, побежал за ними, пересек центральный двор и исчез в направлении, куда ветер уносил красные ленты — символы тоски.

«Поцелуй» наконец закончился.

Щеки Августа пылали, казалось, вот-вот пойдет дым из ушей. Он не знал, куда девать руки и ноги.

В конце концов, Август, обманывая себя, закрыл глаза руками, притворившись, что Рафаэля нет, и начал лихорадочно думать: «А-а-а, меня поцеловал мой идеал! Хотя и через руку, но это все равно поцелуй! Поцелуй! Нет, успокойся, успокойся. Мы же договорились быть друзьями на всю жизнь! Как ты мог быть таким животным!»

Виновато в этом было западное общество, где привыкли целоваться и обниматься без повода. Традиционная восточная сдержанность — вот что правильно! Неужели нельзя оставить друг другу немного пространства?

Когда Август снова открыл голубые глаза, он обнаружил, что пространства вокруг действительно прибавилось.

Рафаэль, поднявшийся в какой-то момент, уже как ни в чем не бывало переместился с книгой в маленькую комнатку за книжными полками. Он находился в одном помещении с Августом, но при этом сохранял комфортную дистанцию, не мешая ему.

Август не успел спросить, что произошло, как старый дворецкий, с характерным неторопливым стуком, постучал в дверь кабинета.

После трех ударов дворецкий открыл одну из двустворчатых дверей, вошел и остановился на краю белоснежного шерстяного ковра.

— Добрый день, ваша светлость. Титулярный епископ настаивает на встрече с вами, — почтительно доложил дворецкий. — Это уже его третий визит. Он желает обсудить вопросы, связанные с предстоящим возобновлением строительства Бристольского собора.

В Бристоле находился очень старый собор, который так и назывался — Бристольский собор. В

начале XII века был основан его предшественник — монастырь Святого Августина. После нескольких столетий перестроек собор наконец приобрел значительные размеры, и жители графства Бристоль как минимум дважды в год приходили сюда, чтобы помолиться Богу. Однако во времена Кромвеля, когда Ричард II конфисковывал имущество Святого Престола, Бристольский собор также пострадал — многие здания были разрушены. После «Паломничества Благодати» собор снова восстановили.

Короче говоря, это была бесконечная череда разрушений и строительства.

Август относился к этому без особого энтузиазма, но и не возражал. Пусть строят — через несколько столетий все это превратится в туристические достопримечательности.

Другими словами, Август не понимал, зачем титулярный епископ пришел к нему.

Он не запрещал церкви строить собор, но и не собирался оказывать какую-либо помощь. Он полагал, что уже достаточно ясно выразил свою нейтральную позицию.

Однако встретиться с уважаемым титулярным епископом он все же был обязан.

В Средние века любой, кто был связан с религией, обладал некой особой возвышенностью и пользовался уважением, что давало ему определенный социальный статус.

Епископ, пришедший к Августу, был титулярным епископом, заместителем епархиального епископа. Этот уже немолодой титулярный епископ занимал особое положение: он был первым помощником епископа, имел право наследования и мог управлять епархией в отсутствие епархиального епископа. Короче говоря, персона весьма влиятельная.

— Добрый день, ваша светлость.

— Добрый день, — перед людьми Август всегда принимал надменный вид, высоко задирая подбородок. Его речь была медлительной — словно он тщательно подбирал слова, а может, просто была безразличной, с легкой мелодичностью. Это было результатом многолетнего обучения у учителя этикета.

Когда камердинер подал чай и сладости, они с епископом начали беседовать о погоде, одежде и сладости чая.

<http://bllate.org/book/15929/1424016>